

Примечание: впереди ежедневный брифинг канцлера.

ooOoo

После моего довольно досадного восхождения на пост канцлера и непродолжительного обхода моего нового офиса я также приняла участие в информационном совещании по статусу нашей нации и её положению на мировой арене. В прошлом я имела право присутствовать на менее подробном брифинге в качестве члена парламента, но редко беспокоилась слишком сильно об этом. С моей репутацией я никогда не планировала посещать какие-либо зарубежные страны и не рассчитывала иметь какое-либо влияние во внешней политике. Кроме того, я знала ключевые моменты нашей ситуации из газет. Теперь, сидя и слушая обо всём этом в подробностях, я смогла увидеть общую, но довольно деликатную, ситуацию с новой стороны.

На внутреннем фронте больших сюрпризов не было. Темпы инфляции были настолько высокими, что их трудно было даже измерить. Самым простым способом сделать это было сравнить стоимости золотой марки и бумажной. Обе валюты имели одинаковую номинальную стоимость, но золотая марка была подкреплена, как ни странно, золотом, в то время как бумажная марка была фиатной валютой. До войны курс между ними равнялся примерно трём бумажным маркам к двум золотым. В наши дни потребовалось бы по крайней мере триллион бумажных марок, чтобы обменять их на одну золотую марку.

Массовая инфляция нанесла разрушительный удар по нашей экономике. Множество частей сельской местности вернулось к системе бартера. Бесчисленные предприятия закрыли свои двери, неспособные вести бизнес в стране, где деньги не имели никакой ценности. Единственным светлым пятном в этой ситуации были экспортные предприятия, которые могли продавать свою продукцию за твердую валюту, пользуясь дешёвой рабочей силой. Даже этот луч надежды имел свою собственную тёмную тучу, поскольку такое ведение бизнеса привлекало большое негодование, что вылилось в нескольких избиениях и самосуде предполагаемых "иностранных коллаборационистов".

Наша следующая выплата репараций должна была состояться через шесть месяцев. Предыдущее правительство поставило погашение репарационных выплат своей главной задачей. Хотя их политика не имела ничего, кроме губительных последствий для нации, им, по крайней мере, удалось накопить более девяноста процентов от необходимой суммы ценных товаров и иностранной валюты, которые мы были вынуждены отдать в скором времени.

Положение дел во внешней политике также было довольно мрачным. Проще говоря, наши союзники не были сильными, а сильные не были нашими союзниками. Как избранный канцлер, я должна была попытаться как-то уберечь свою страну от катастрофы. Всё, что я могла сделать, это попытаться узнать как можно больше в надежде, что среди всей этой информации я найду удачный путь для наших дальнейших действий.

Нашим соседом с запада была, конечно, Республика Франсуа. Они вернулись к своим историческим границам по окончании войны, а также аннексировали Эльзас-Лотарингию, территорию, которая долгое время была предметом спора между их нацией и нашей. Страна в целом переживала послевоенный экономический бум. В конце войны признанного великого вождя де Луго провозгласили героем, избрали президентом и бесцеремонно выкинули с поста главы правительства уже через три года.

Нынешнее правительство принадлежало к левым партиям. Они вели предвыборную кампанию, обещая мирные дивиденды, и с момента избрания активно занимались сокращением

численности своих вооруженных сил. Несмотря на это, армия Франсуа насчитывала около полумиллиона солдат и может легко подавить нашу собственную армию в любом серьезном конфликте. Их преимущество только увеличивалось из-за навязанной нам договором технологической отсталости, или если говорить понятнее, мы не имели права развивать наши военные технологии.

В целом общественное настроение Франсуа можно было назвать истощённым войной, но ликующим в своей победе. И конечно, они сильно презирали Джермению. Существует естественная человеческая тенденция, когда один человек сделал другому что-то плохое. Вместо того чтобы испытывать сочувствие и пытаться извиниться перед своей жертвой, обидчик начнет презирать её, придумывая самые немыслимые причины, чтобы оправдать своё поведение. Что-то подобное происходило в национальном масштабе после нашего проигрыша в войне. Франсуа считали, что это якобы Империя неожиданно вторглась на их территории, поэтому мы заслужили лишь их презрения. Список вранья и клеветы, которым они нас завалили, был впечатляющим по своей длине.

К северу от Республики Франсуа находился наш новый западный сосед, Лотьерн (п/п: Современная территория Нидерландов). Ранее спорная территория Имперского Нидланда, вновь созданная республика изобиловала внутренними противоречиями. Многие горожане недолго любили Империю якобы за то, что мы запугали их, из-за чего Лотьерн стал имперским протекторатом Нидландом во второй половине XIX века. Это было несколько смягчено тем фактом, что Империя обращалась с ними относительно дружелюбно. Их членство в Империи больше походило на участие в обязательном вольном торговом союзе, чем на прямую эксплуатацию. Но даже в этом случае умеренное принуждение остается принуждением.

Как бы ни были смешаны чувства народа Лотьерна к Джермении, они, конечно, не питали большой любви к Республике Франсуа. Наступление Франсуа и последующее укрепление оборонительных линий привели к тому, что наиболее интенсивные бои в этой войне происходили на их родной земле. Огромные разрушения и гибель людей остро ощущались даже сейчас. Что ещё хуже, Франсуа потребовала в договоре об окончании войны, чтобы вновь созданная страна компенсировала Франсуа в твёрдой валюте расходы, связанные с их освобождением. Хотя эта мера и не была столь суровой, как репарации, наложенные на Джермению, она все ещё широко порицалась в Лотьерне.

В общем и целом жители Лотьерна не собирались в ближайшее время возвращаться в Империю. С другой стороны, они не считали себя нашими заклятыми врагами. Хотя военный союз был бы крайне маловероятен, можно было бы вступить с ними в дружественные торговые отношения, если бы наша экономика не была в таком плачевном положении.

Наш новый северный сосед был немного более примечательным. Страна Дэйдланд (п/п: В нашем мире - Дания) получила часть имперского Нордена, составляющий полуостров, граничащий с Джерменией, а также острова в Балтийском море, в то время как земля на Скандинавском полуострове перешла к Антанте. По настоянию Антанты они не были вынуждены нести никаких репарационных выплат.

Нетрудно было заметить, что Антанта была заинтересована в своём расширении за счёт Дэйдланда. У неё были общие культурные связи с его жителями, и по большей части именно случайность заставила Антанту оставить Дэйдланд в стороне, когда она была создана впервые из нескольких союзных стран. Историческая случайность или нет, но это исключение привело к тому, что Дэйдланд присоединился к Империи более или менее добровольно. Время, проведенное в Империи, в добавок, пошло им на пользу. В дополнение к другим выгодам,

связанным с присоединением к большой нации, они получили большую прибыль от всех средств, которые Империя вложила в этот район в своих тщетных попытках сравняться с флотом Союзного Королевства.

Если у них возникнет необходимость выбрать между нами и Антантой для присоединения при прочих равных условиях, трудно сказать, какую сторону займёт Дэйдланд. Конечно, с нашей разрушенной экономикой Джермения в данный момент едва ли являлась вариантом, на который вообще стоило обращать внимание.

Что касается позиций Антанты Легадонии, то их, пожалуй, лучше всего охарактеризовать как неуверенные, но оптимистичные. Они были выбиты из войны в быстром и решительном сражении и, учитывая все обстоятельства, не слишком пострадали при имперском военном правлении. Они даже получили некоторые территории при окончании войны. Однако по-прежнему считалось, что они по глупости спровоцировали Великую войну без всякой на то причины. Вместо того чтобы заикливаться на прошлом, они, казалось, предпочитали сосредоточиться на будущем.

Дальше на востоке были самые большие отклонения от того, что я помнила из своей предыдущей жизни. Эти воспоминания были основаны на уроках истории, которые я проходила тридцать лет назад, но я также играла в некоторые настольные игры, посвящённые Второй мировой войны, и основную планировку стран я более или менее помнила. Границы главных инициаторов подписания мирного договора Триано в основном совпадали с теми, что я смогла отыскать в своей памяти, но страна Пулльска (п/п: Польша, но это и так понятно) была самым большим отклонением от того, что я знала.

Во-первых, не было никакого "Польского коридора". Вся земля к востоку от нашей границы принадлежала Пулльске. У Джермении не было анклава в Восточной Прееуссии (п/п: Восточная Пруссия в нашем мире). Как и следовало ожидать, джерменские реваншисты, которых я представляла, были недовольны этим. Но, как ни странно, не возмущены.

А всё из-за второго отступлению от истории, которую я помнила: жители Пулльски были в диком восторге от Империи. Они проголосовали бы за наше воссоединение в мгновение ока, если бы у них был хоть шанс, и только скрытая угроза от наших бывших врагов сдерживала их от прямого заявления о воссоединении. Это было достаточно странно, что мне пришлось даже открыть несколько книг по истории, чтобы провести собственное исследование.

В процессе я нашла, наконец, объяснение тому, почему Империя Райха была намного больше здесь, чем Германская империя из моего старого мира: здесь раздел Пулльски произошел в самом начале восемнадцатого века. Более того, благодаря отличной европейской политики моей великой державы и различных военных действий, Прееуссия взяла под свой контроль более трети территории старой Пулльски. Затем жители Прееуссии с большим энтузиазмом приступили к обустройству территории. С одной стороны, масштабные улучшения инфраструктуры, финансируемое государством образование и новые производственные концерны. С другой стороны, строго соблюдалось использование лишь джерменского языка в качестве официального языка, и любые недовольные без суда и следствия высылались с территории. И кнут, и пряник применялись с типичной для Прееуссии эффективностью.

Конечным результатом всего этого было то, что население этой территории считало себя в глубине души истинными Прееуссами с рвением религиозных новообращенных. Это рвение только подпитывалось возвышением Прееуссии в Европе. В то время как Пулльские революционеры в других местах Пулльски мечтали о возрождении своей страны, люди, живущие на территории Прееуссии, мечтали вернуть Империи её былую славу.

Имея за спиной большую и надежную базу, Превуссия была готова принять предложение Остеррии (У нас - Австрии) воссоединиться с ней, аннексировать все владения Габсбургов и объявить себя возрождённой Империей. Культурное господство идей новой Империи на территории Превуссии было всеобъемлющим. Всё это в конечном счёте привело к милитаристской позиции на национальном уровне, что могло повлечь за собой новую мировую войну против возрождённой Империи, если бы Превуссия и Остеррия объединились и объявили войну всему миру..

Помимо привязанности к нам, большую озабоченность у жителей Пулльски вызывал Союз Руси. У Пулльски осталась лишь жалкая армия, которая не могла тягаться с коммунистами. Их независимость была обеспечена лишь дипломатическими заверениями со стороны Франсуа и Союзного Королевства. Ну, это и коммунистическая некомпетентность.

К востоку от Пулльски Союз Руси представлял собой страшную, но ещё только предстоящую угрозу. Большую часть времени Великой войны Союз провёл в кровопролитной, но безрезультатной войне с Империей Акицусима (п/п: Япония, конечно же) за контроль над Внешней Монголией и Маньчжурией. По моему мнению, любой, кто был готов мобилизовать всю нацию на борьбу за эти захолустья, был явно помешанным на войне маньяком.

После окончания войны Союз Руси провёл обширную чистку своего офицерского корпуса. Наблюдая со стороны, трудно было сказать, сколько офицеров было уволено за некомпетентность, а сколько - за политическую ненадежность, но в любом случае это повлияло на их армию не лучшим образом. Сейчас они были не в состоянии вести новую войну. Конечно, если они когда-нибудь соберутся с силами, то будут представлять большую угрозу с их огромным населением и обширной промышленной базой. Полностью мобилизованный Союз Руси был бы равен по силе всей Империи, но только в том случае если бы мы победили в Великой войне. Для нынешней Джермении нам предстоит лишь одна возможная участь - это участь маленького зверька, раздавленного паровым катком.

А пока мне оставалось только надеяться, что им потребуется достаточно много времени, чтобы взять себя в руки. Если я когда-нибудь снова увижу существо Икс, я обязательно порекомендую ему посмотреть на то, что происходит, когда люди отвергают систему свободного рынка. Хотела бы я увидеть, как этот лицемерный ублюдокотреагирует на принудительные трудовые лагеря. Хотя в целом я была категорически против любых божественных наказаний, я могла сделать небольшое исключение для коммунистов.

Что касается империи Акицусима, то я, естественно, испытывала некоторую привязанность к земле, которая была моим домом в прошлой жизни. К сожалению, они, казалось, твердо решили повторить все ошибки, которые я выучила наизусть на уроках истории. Несмотря на все мои личные чувства, я не осмелилась бы взять в руки власть, столь одержимую милитаристским экспансионизмом. Я могла бы предупредить их о неприятностях, к которым приведёт их нынешний курс, но они вряд ли послушаются какого-нибудь назойливого гайдзина. Ну что же, даже если у нас не было альянса, каждый раз, когда они делали выпад в сторону Союза, это отвлекало медведя от моего нового дома. Ганбатте*, вы кровожадные дураки!

(п/п: * "Постарайтесь" с японского)

Возвращаясь к нашей местной Европе, мне стоило бы добавить, что владения Габсбургов были более или менее разделены на те отдельные страны, какими я их помнила. Единственным сюрпризом для меня снова стало их благосклонное отношение к Империи. Для них вступление в Империю было когда-то результатом чисто дипломатической авантюры и не привело ни к

чему, кроме экономического успеха. В результате своего членства в Империи они подверглись сильному джерменскому влиянию и усвоили немало джерменской культуры. Они, вероятно, не решились бы сразу вернуться в новую Империю, но старую - считали приятным воспоминанием.

Крупное государство Остеррия уже практически считало себя частью Джермении. Хотя местные политические лидеры воспользовались измененной картой, чтобы подчеркнуть свою значимость и заявить о своей способности постоять за себя, население в целом рассматривало их отделение от Империи как личное оскорбление. Однако не исключено, что со временем они могут привыкнуть к независимости. Особенно если наша экономическая катастрофа продолжится. Хотя Остеррии также были навязаны тяжелые репарации, их правительство предпочло исполнить свои платёжные обязательства путём крупных заимствований из-за рубежа, а не путём уничтожения стоимости своей собственной валюты. Хотя их подход не был лишен некоторых опасностей, наглядное превосходство над путём, избранным джерменским правительством, стало очевидным за последние несколько лет.

Последней силой, обладающей хоть какой-то местной властью, было Королевство Илдоа. Они были вознаграждены за предательство Империи кусочком спорной территории. Как ни странно, жители Джермении не испытывали к Королевству такой же жгучей ненависти, как к Республике Франсуа. Конечно, они не очень-то любили Илдою, но широко распространено мнение, что абсолютное господство Союзного Королевства над морем - господство, с которым мы стали слишком хорошо знакомы по ходу войны - создало ситуацию, когда Илдоа была вынуждена сменить сторону в войне. Джерманское мнение на счёт Илдои укрепило также то, что джерманцы считали, что Королевство не имело другого выхода, кроме как сменить сторону, когда по её столице маршировали войска противника.

Далеко-далеко на западе притаились Единые Штаты, прочно утвердившиеся как самая сильная из великих держав после того, как они буквально унизили всю Империю. Общество там, казалось, не слишком беспокоится о том, что происходит за границами их страны. В целом народ Единых Штатов рассматривал войну как хорошо выполненную работу, а не как повод для постоянного вмешательства в политику Европы. Они наслаждались огромным экономическим бумом и имели самые оптимистичные перспективы из всех наций на земле на данный момент.

Новые государства, вырезанные из Империи, имели в лучшем случае остаточные вооруженные силы. В случае Остеррии и Пульски это было результатом тех же договорных положений, которые сковывали Джермению. У Лотьерна просто не было достаточно денег на военные нужды. Дэйнланд преуспевал в финансовом отношении и не был ограничен договором, но решил не инвестироваться ни во что, кроме флота, способного патрулировать его уголок Балтийского моря. Казалось, что все в Европе немного устали от войны. Они, наверное, думали, что никто не будет настолько глуп, чтобы начать новую войну, всё ещё не оправившись от Великой войны, поэтому не было необходимости вкладывать так много в армию. Несмотря на то, что в то время как армии наших врагов были уменьшены в размерах с их пика во время старой войны, любой из них было более чем достаточно, чтобы с презрительной легкостью раздавить нашу собственную армию.

Я долго обдумывала все эти факты, пытаюсь найти правильный курс действий. Даже направляясь на своё первое официальное заседание Кабинета министров, я всё ещё не решила окончательно, что мне делать. Не помогало и то, что информация, что я получила, была не очень точной. Я была проинформирована о положении нашей страны главой нашего Министерства иностранных дел на основании того, что он узнал от наших послов, которые, в свою очередь, в основном предали информацию полученную из вторых рук. Для кого-то, кто привык искать любые актуальные факты щелчком мыши, это была не очень удобная ситуация

Я остановилась перед дверью в конференц-зал и повернулась к Элие. Она вместе с Вишей сопровождала меня на собрание. Согласно её легенде она была моим помощником по административным вопросам.

- Мы должны расширить наши операции, связанные с опросом общественного мнения, за пределы наших границ, - сказала я. - Мне не нравится принимать решения, когда я наполовину слепа.

- Другие страны? - Спросила Элия, широко раскрыв глаза. - Это может оказаться непростой задачей.

Ну, естественно, если бы джерменские женщины начали расспрашивать людей на улицах Франсуа, то это вызвало бы ненужные вопросы со стороны их правительства. Я была рада, что Элия заметила эту проблему, но решение было достаточно простым.

- Нанимай местных, если нужно, - сказала я, пренебрежительно махнув рукой. - Я, по крайней мере, смогу выделить для тебя бюджет на эти цели. Но оставайся в разумных пределах, чтобы не вызвать чьих-либо подозрений.

Она кивнула, и я повернулась к двери, уже выкинув этот вопрос из головы. За последние несколько лет я поняла, что задача, порученная Элие, - это задача, о которой мне больше не нужно беспокоиться.

У меня имелось достаточно и других неотложных проблем, с которыми нужно было разобраться как можно скорее. И промедление не сделает этот список короче. Я глубоко вздохнула, а затем распахнула двери и вошла внутрь. Пора взяться за штурвал корабля-государства

ooOoo

<http://tl.rulate.ru/book/25868/538171>